

До Су, не желая затягивать бой, вывез Цзи Инь из города на лечение. Уклоняясь от столичной смуты, он случайно узнал, что сердце сестры занято другим. Горечь от этого открытия усугубилась новым ударом: выяснилось, что объект её чувств, господин Хуайсан, был шпионом, подосланным сюнну с севера, чтобы сеять смуту в столице. После мучительных раздумий До Су рассказал правду Цзи Инь. Та, сражённая горем, слегла. Не видя иного выхода, он оставил все дела в столице и отправился на север искать легендарного целителя.

В пути До Су воочию увидел бесконечные страдания, которые междоусобицы приносили простому народу. Он быстро вырос, превращаясь в зрелого и хладнокровного воина, и спас многих людей из беды. Слава о Первом ассасине постепенно разлетелась по округе. Однако вскоре их силой захватили представители северной знати сюнну. Выяснилось, что Хуайсан — наследник престола сюнну. Угрожая жизнью Цзи Инь, он принудил До Су служить себе.

Между молотом и наковальней До Су вынужден был согласиться, но втайне стал сеять раздор в правящем доме сюнну. Когда наследник раскрыл его замыслы, он взял Цзи Инь в жёны и принялся всячески унижать её. Охваченный яростью и отчаянием, До Су попытался бежать с ней, но Цзи Инь предпочла свести счёты с жизнью сама. Сломленный потерей, До Су скрылся, скитаясь по свету под чужим именем. В письме, отправленном в Врата, он написал: «Мир столь обширен, что Врата Девяти Тигров не в силах объять его. Страдания народа столь глубоки, что Врата не в силах облегчить их. Я бессилён спасти Поднебесную, и ныне Поднебесную спасти некому».

Как он и предрёк, следующие ученики Врат, вышедшие в мир, вернулись ни с чем. Война и кровопролитие длились десятилетиями. Врата закрылись. Первого ассасина не стало — осталась лишь искорёженная, израненная земля.

Примечание: Название «Врата Девяти Тигров» навеяно «Вратами Пяти Тигров» из произведения Цзинь Юна «Легенда о Летающем Лисенке». При необходимости готовы внести изменения.

«Первый ассасин» — историческая драма с элементами легенды, которая через судьбу вымышленного величайшего убийцы показывает шаткость страны и судьбы людей в эпоху великих потрясений. В последние годы такой жанр стал весьма популярен.

Закончив съёмки первой части, группа планировала на следующей неделе отправиться в степь для натуральных сцен с участием сюнну. У Сюй Сицзина было много материала, и в отличие от других актёров, у него не было перерыва перед переездом — предстояло доснять несколько эпизодов.

Сюй Сицзин выгодно отличался от многих молодых коллег: за исключением особо сложных трюков, где требовались профессиональные каскадёры, все сцены, включая простые драки и диалоги, он исполнял сам. Ради этого проекта он отказался от всех коммерческих выступлений. Он и так слишком часто брал отгулы из-за Цинь Цзэюаня, и новые отъезды лишь растянули бы съёмочный процесс.

Накануне он выпил четыре бокала за режиссёра: первые три были испытанием, последний — напутствием старшего. Стянув с себя одеяло, он, всё ещё страдая от похмелья и головной боли, поплёлся в ванную. И лишь собираясь позавтракать, с изумлением обнаружил за столом Цинь Цзэюаня, просматривающего почту.

— Разве вы не у Карена? — выпалил Сюй Сицзин, ещё не до конца проснувшись. Он редко произносил это имя вслух, хотя все трое отлично понимали, о ком речь.

Цинь Цзэюань не оторвался от экрана:

— Лишнего не спрашивай. Садись есть.

Сюй Сицзин осознал, что переступил невидимую черту, и не решился развивать тему. Молча усевшись, он принялся за кашу. Он хотел спросить, что вдруг привело Цинь Цзэюаня сюда, но боялся дать повод для придирок.

Тот, наблюдая, как тот покорно ест, будто школьник, усмехнулся:

— Какой ты сейчас послушный. В старших классах таким прилежным не был.

При упоминании школы Сюй Сицзина бросило в дрожь. Цинь Цзэюань знал две точки, нажав на которые, можно было полностью его парализовать: историю усыновления и школьные годы. Сюй Сицзин замер с ложкой в руке, его пальцы, сжимающие ручку, побелели.

«Так нельзя, — пронеслось у него в голове. — Рано или поздно я уйду от Цинь Цзэюаня и от семьи Цинь. Если меня до сих пор могут сломать парой фраз, как я тогда встану на ноги?»

Цинь Цзэюань, удовлетворившись его реакцией, спросил:

— Вчера пил?

Сюй Сицзин медленно кивнул.

— На следующей неделе переезжаете?

Снова кивок.

Цинь Цзэюань встал и подошёл к нему. Сюй Сицзин продолжал смотреть в тарелку. Тот провёл рукой по его волосам, затем опустил ладонь на шею. Его пальцы были шершавыми, и это лёгкое, почти невесомое прикосновение к горлу заставило Сюй Сицзина почувствовать себя пойманным за самое уязвимое место.

— Веди себя хорошо. Слушайся Лао Суна.

После того неожиданного визита Цинь Цзэюань больше не появлялся. Теперь Сюй Сицзин был в степи. На съёмках пронизывающий северный ветер раскалывал голову, но настроение у него было прекрасное. Он вдруг осознал, что с Цинь Цзэюанем у них не было близости уже почти месяц, и сделал вывод: тот наконец пресытился им в постели и теперь лишь изредка напоминал о себе, оказывая психологическое давление.

«Если выдержу это давление, — думал Сюй Сицзин, — то день, когда я открыто уйду от него, уже не за горами».

С этой светлой мыслью он почти месяц снимался в степи. Как-то раз в группе царил необычное оживление. Расспросив Лао Суна, Сюй Сицзин узнал, что к ним приехал большой начальник — глава их агентства и один из инвесторов проекта, Цинь Хайпин из развлекательной компании «Гуанхэ».

Цинь Хайпин был одним из младших в поколении Цинь Цзэюаня и, что вполне соответствовало его имени, считался в семье бесталанным бездельником. На фоне могучего дерева клана Цинь он мог похвастаться лишь развлекательной компанией, которую ему и доверили поковыряться.

Семья Цинь обладала огромным влиянием в политике и бизнесе. Сейчас деловую империю курировал Цинь Цзэюань. Цинь Хайпину же из всех семейных активов вручили лишь развлекательный бизнес — в конечном счёте, чтобы через него контролировать Сюй Сицзина.

До старшей школы Сюй Сицзин считал семью Цинь своими спасителями. Когда ему было восемь, в его родных местах случилось столетнее наводнение. Хлипкие деревенские дома не выдержали напора воды, и всю деревню смыло.

Три дня Сюй Сицзин носился по бушующим водам, бесчисленное количество раз думая, что настал конец, но каждый раз чудом выживал. Цинь Цзэюань в те годы был ещё молод. Он стоял среди разбушевавшейся стихии, но казался неприкосновенным. Он подобрал маленького Сюй Сицзина и привёз в дом Цинь.

Вплоть до пятнадцати лет Сюй Сицзин жил как настоящий аристократ. Обученные слуги относились к нему почтительно и предупредительно, ни разу не дав почувствовать, что он приёмный сын. Постепенно он и сам начал считать себя младшим господином Цинь, а бедную жизнь до восьми лет словно смыло тем потоком.

После пятнадцати Цинь Цзэюань начал брать его на светские рауты. Он был ровесником Цинь Хайпина, и Цинь Цзэюань представлял его словами: «Это наш младший». Знатные гости тут же восклицали: «В семье Цинь таланты растут как грибы, даже младший так хорош!»

Поначалу Сюй Сицзин дичился, но со временем, побывав с Цинь Цзэюанем во многих местах, освоился. Всё равно он оставался неловким, совсем не таким, как Цинь Хайпин, который с юных лет вращался в этом блестящем мире. В глубине души Сюй Сицзин испытывал неловкость: когда слуги дома называли его «младшим господином», он мог ответить, но слыша то же самое на стороне, чувствовал, что присваивает себе титул, принадлежащий Цинь Хайпину.

Цинь Хайпин, хоть и был старше всего на несколько лет, обладал врождённой аристократической надменностью. Он брезговал спорить из-за пустого звания «младшего» и всячески подчёркивал свой статус. Даже учась в одной школе, он делал вид, что не знаком с Сюй Сицзином.

Однако после перехода в старшую школу Цинь Хайпин вдруг стал к нему подходить. Его будущее было predetermined: после выпуска — учёба за границей, поэтому в школе он бездельничал и часто приставал к Сюй Сицзину. Когда же Сюй Сицзин, выведенный из себя постоянными помехами во время подготовки к экзаменам, попытался его отшить, Цинь Хайпин предложил ему совместно проверить одно «дельце».

К тому времени Цинь Цзэюань уже взял бразды правления семейным бизнесом в свои руки. Молодой, решительный. Сюй Сицзин же всё ещё жил в главной резиденции семьи Цинь — доме Цинь Цзэюаня. По традиции, главная ветвь обычно шла в политику, но с Цинь Цзэюанем всё изменилось.